

[ISSN 0130—3562]

ДОН

87|6

Н. Коршиков

Еще раз о «Записке» А. С. Пушкина

Отрадно, что на страницах журнала «Дон» в последнее время регулярно стали появляться публикации о прошлом донского края. Большой интерес для любителей донской старины представляет статья Р. Редина о А. Пушкине, В. Сухорукове и декабристах (см. № 1, 1987). Но, к сожалению, автор этой публикации допустил ряд промахов и неточностей.

Так, Р. Редин рекомендует упомянутую «Записку» датировать в хронологическом соответствии с письмом Бенкендорфа от 29 августа 1831 г.». Однако «Записка» А. Пушкина почти всегда датировалась именно на основании ответного письма А. Бенкендорфа от указанного числа. В этом читатель легко может убедиться, если откроет собрание сочинений великого поэта. Например, в 7-м томе его сочинений (изд. 1974—1978 гг.) на странице 390 говорится, что «Записка Пушкина условно датируется июлем 1831 г., так как уже 29 августа этого года шеф жандармов А. Х. Бенкендорф сообщил поэту о передаче его записки военному министру А. И. Чернышеву и об ответе последнего».

После прочтения этих строк у пытливого читателя может невольно возникнуть вопрос, почему биографы А. Пушкина его «Записку» не датируют по упомянутому письму А. Чернышеву, которое, несомненно, было написано ранее ответного письма А. Бенкендорфа? Ответить на этот вопрос нелегко.

Как известно, А. Пушкин лично познакомился с опальным донским историком и декабристом летом 1829 г. на Кавказе. При их неоднократных встречах В. Сухоруков поведал поэту «о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях» и о том, что в 1827 г. у него по указанию А. Чернышева были отобраны все архивные материалы по истории донского казачества. При этом В. Сухоруков сказал поэту, «что единственное желание его было получить дозволение хотя взять¹ копии с приобретенных им исторических материалов... и потом на свободе заняться составлением истории донских казаков...»². По словам М. Юзефовича, А. Пушкин

настолько был огорчен этим обстоятельством, что «чуть не плакал и все думал, как бы по возвращении в Петербург выхлопотать Сухорукову эти документы»³.

Из поездки по Кавказу А. Пушкин возвратился в конце 1829 г., но только летом 1831 г. обстоятельства позволили ему предпринять попытку помочь В. Сухорукову получить материалы по истории донского казачества. С этой целью А. Пушкин лично в Царском Селе вручил А. Бенкендорфу «Записку» о сотнике Сухорукове, содержание которой хорошо известно. Записка эта без подписи и без даты. Хранится она в деле III отделения «О сотнике Сухорукове, просившем дозволения взять копии с выписанных им в архивах материалов для составления истории Войска Донского...». Из этого дела видно, что А. Бенкендорф «Записку» А. Пушкина (вероятно, ее копию) 23 июля 1831 г. с просьбой «сделать какое-либо распоряжение о бумагах Сухорукова, означенных в записке», передал А. Чернышеву⁴. Не будем вдаваться в содержание всей этой переписки, а только отметим, что А. Бенкендорф ответил поэту на пятый день после получения им письма от А. Чернышева. Если предположить, что шефу жандармов потребовалось столько же времени и для отправления А. Чернышеву «Записки» А. Пушкина, то ее следует датировать 19—20 июля 1831 г.

Можно привести и другие аргументы в целях более точной датировки пушкинской «Записки», но в этом нет необходимости. Дело в том, что нет никакой взаимосвязи между точностью ее датировки и «уяснением причин перевода донского историка в январе 1830 г. с Кавказа в Финляндию», как это утверждает Р. Редин. Путь к выяснению причин ареста В. Сухорукова в январе 1830 г. лежит не через установление точной даты написания А. Пушкиным «Записки» о В. Сухорукове, а через архивные лабиринты. Со дня ареста В. Сухорукова прошло более 150 лет, но полемика вокруг причин его ареста до сих пор продолжается. Читателям, несомненно, будет интересно проследить за ее ходом.

В декабре 1829 г. дежурный генерал Главного штаба в секретном письме наказному атаману Войска Донского Д. Кутейникову напомнил, что В. Сухоруков «за принадлежность к тайным обществам был сначала оставлен на Дону, потом переведен (из гвардии) в Войско Донское, а в июле 1827 г. командирован в Кавказский корпус на службу с состоянием под секретным надзором»⁵. Итак, В. Сухоруков на Кавказ «командируется» «за принадлежность к тайным обществам». Еще до отъезда на Кавказ В. Сухоруков «по высочайшему повелению» был зачислен в казачий полк

А. Карпова. Но в этом полку он числился только формально, так как вскоре после прибытия на Кавказ он по рекомендации А. С. Грибоедова, с которым был знаком еще в Петербурге, «поступил чиновником особых поручений при начальнике штаба Кавказского корпуса...» Но вскоре командир корпуса И. Паскевич заметил способного чиновника и в ноябре 1828 г. перевел его к себе в штаб, где тот управлял его канцелярией⁶. Одновременно В. Сухоруков по поручению И. Паскевича писал историю русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Вероятно, при содействии А. Грибоедова донской историк стал одним из издателей газеты «Тифлисская ведомость», в которой он опубликовал много своих статей о военных действиях русских войск на Кавказе. Кроме того, В. Сухоруков в ссылке начал писать историю Грузии и совместно с другими ссылными декабристами готовил издание «Грузинского альманаха», для которого А. Пушкин обещал написать стихи.

Однако В. Сухорукову и на Кавказе не удалось осуществить ни одного из своих «литературных предположений». Неожиданно 13 января 1830 г. к И. Паскевичу от управляющего Главным штабом А. Чернышева прибыл фельдъегерь с секретным предписанием от 24 декабря 1829 г. «В июле 1827 г., — писал в нем А. Чернышев, — командирован в Отдельный Кавказский корпус для употребления там на службу, с состоянием под секретным надзором. Войска Донского сотник Сухоруков... Столь милостивое наказание г. Сухорукова за одно из величайших преступлений долженствовало бы заставить его почувствовать вину свою и стараться загладить оную ревностным усердием к службе, безусловной покорностью воле начальства, похвальным образом мыслей и примерно-скромным поведением. Но, к сожалению, опыт показал противное: сотник Сухоруков в различных статьях, печатаемых им в повременных изданиях, говоря о военных действиях Отдельного Кавказского корпуса, принимает тон решительный и, выходя на сцену своим лицом, позволяет даже судить о распоряжениях начальства, тогда как у нас строго наблюдается, чтобы о настоящих или новейших событиях военных ничего без ведома и дозволения правительства не печаталось... Усматривать сие изволите из помещенной в прилагаемой у сего 153 № «Северной пчелы» статьи под заглавием: «Ответ на поправки господина В. Сухорукова моих писем из Кавказского корпуса». По всем таким причинам государю императору благоугодно было высочайше повелеть мне покорнейше просить вас... о приказании опечатать бумаги Сухорукова и прислать оные ко мне, самого же отправить с нарочным фельдъегерем на Дон, куда послано уже повеление об употреблении его на службу...»⁷.

Историк кавказских войн В. Потто заметил относительно этого предписания, что на А. Чернышева обратила внимание не критическая статья В. Сухоруко-

ва «Поправка статьи, напечатанной в «Северной пчеле» и «Инвалиде» под заглавием: «Письма из Кавказского корпуса...», так как в критике не заключалось «ничего особенного», а полемика, возгоревшаяся вокруг этой статьи⁸. Советский ученый В. Шадури утверждает, что предписание А. Чернышева и связанная с ним переписка являются документами «подлинной причины ареста в последней ссылке Сухорукова». В отличие от В. Потто, В. Шадури утверждает, что именно «описание военных действий... и резко решительный тон Сухорукова, и самый факт открытого (за своею подписью) выступление ссылкой декабриста против печатного органа III отделения» явились причиной ареста В. Сухорукова в 1830 г.⁹ Другой советский ученый, Д. Ватейшвили, не соглашается с таким утверждением. Он полагает, что «опубликование полемической статьи Сухорукова в «Тифлисская ведомость» послужило скорее поводом, чем действительной причиной». Причину же, по его словам, следует искать в «прикосновенности» Сухорукова к делу декабристов...¹⁰.

Прежде чем принять чью-либо сторону в этой полемике, обратим внимание на следующее обстоятельство. Вы видите, что А. Чернышев в своем предписании от 24 декабря 1829 г. в качестве доказательства неопозволительной деятельности В. Сухорукова приложил статью И. Радожицкого «Ответ на поправки господина В. Сухорукова моих писем...», частично опубликованную в № 153 «Северной пчелы» от 23 декабря 1829 г. Заметим, полностью «Ответ...» Радожицкого был опубликован в следующем номере газеты, датированном 24 декабря, т. е. тем же днем, что и предписание Чернышева. Не кажется ли странное тот факт, что незамедлительная реакция А. Чернышева почему-то последовала на «Ответ...» И. Радожицкого, а не на полемическую статью самого В. Сухорукова, которой он действительно «выходил на сцену своим лицом» и в которой он действительно писал о «событиях военных» тех дней. К тому же статья донского историка была опубликована в «Тифлисская ведомость» еще 10 октября 1829 г., а спустя 20 дней перепечатана «Русским инвалидом» в Петербурге. Одно только это обстоятельство наводит на мысль, что критическая статья В. Сухорукова и ответное на нее выступление И. Радожицкого действительно послужили только поводом для ареста В. Сухорукова. Если это так, то тогда причины его ареста заключаются в чем-то другом.

Ф. Шумков, являвшийся очевидцем ареста В. Сухорукова в январе 1830 г., писал позже, что летом 1829 г. на Кавказе «говорили, будто бы атаман Леонцов... доносом на Сухорукова обратил внимание военного министра» А. Чернышева¹¹. После длительных поисков нам удалось разыскать этот донос, для написания которого послужили следующие обстоятельства. В 1823—1827 гг. в Гру-

зию с Дона за оппозицию против А. Чернышева в проведении им преобразований в Войске Донском были «командированы» бывший адъютант М. Платова, участник войны 1812 г. и зарубежных походов полковник М. Кузнецов, герой 1812 г. генерал-майор Н. В. Иловайский, бывший постоянный член тайного общества в Новочеркасске подполковник И. Поляков, сотник Ф. Шумков и другие лица. Все они в той или иной мере имели связи с В. Сухоруковым. В 1828 г. круг единомышленников В. Сухорукова еще более расширился, так как опальному историку с помощью И. Паскевича удалось перевести с различных мест в штаб корпуса своих близких товарищей — К. Колесникова и И. Калинина.

В 1828—1838 гг. походным атаманом донских казачьих полков, входивших в Кавказский корпус, был генерал-майор С. Леонов. Забегая несколько вперед, отметим, что в 1837 г. он был предан военному суду. Во время следствия выяснилось, что он и несколько приближенных к нему офицеров жестоко притесняли казаков. Об этих притеснениях стало известно В. Сухорукову, и он через начальника штаба корпуса Д. Остен-Сакена, при котором он состоял чиновником особых поручений, предпринял ряд мер по ограждению казаков от притеснений С. Леонова. При этом на должность походного атамана В. Сухоруков, по словам С. Леонова, «протезировал» уважаемого на Дону генерала Г. Сергеева. Сам С. Леонов не мог предпринять никаких ответных действий против В. Сухорукова, так как в Грузию он был «командирован» по указанию императора, да и к тому же состоял при И. Паскевиче. По этой причине С. Леонов стал действовать через своего дядю наказного атамана Д. Кутейникова. В марте 1829 г. он обратился к дяде с письмом, в котором писал, что В. Сухоруков собрал в Грузии многих своих товарищей и просил своего дядю, «как начальника, имеющего все средства, удалить их». В первую очередь он просил убрать из Грузии В. Сухорукова и предлагал дяде «сделать сие через его сиятельство А. И. Чернышева». В заключении С. Леонов понуждал атамана незамедлительно исполнить его просьбу, иначе, мол, он будет сам просить «о увольнении и сим способом удалить себя». Это письмо Д. Кутейников направил давнему другу В. Сухорукова, чиновнику Главного штаба, состоящему при А. Чернышеве, Д. Вахрушеву со своей просьбой обратить внимание А. Чернышева на то, что «в Грузии составился целый комитет единомышленников... как-то: Поляков, Сухоруков, Колесников» и Ф. Шумков, и что «чем больше их будет в одном месте, тем легче может от них происходить вред. Из опасения к тому, я одобряю мысль генерала Леонова относительно того, чтобы взять его (В. Сухорукова. — Авт.) из телерешнего места на Дон». При этом Д. Кутейников предлагал выслать В. Сухорукова на Дон только «на время», а затем «послать на

службу туда, куда по недостатку офицеров более надобность будет требовать»¹².

Летом 1829 г. А. Чернышев направил в Грузию своего адъютанта Н. Бутурлина. Его приезд туда, как пишет Ф. Шумков, был связан с доносом С. Леонова¹³. Пребывание Бутурлина на Кавказе самым неблагоприятным образом отразилось на В. Сухорукове и других ссыльных декабристах. Многие из них после окончания русско-турецкой войны были переведены в отдаленные от Тифлиса полки, хотя тогда никто из них, кроме В. Сухорукова, не был выслан за пределы Кавказа.

В. Сухоруков был арестован 13 января 1830 г. При аресте у него отобрали заготовленные им статьи для «Тифлиских ведомостей», рукопись «Исторического описания войны 1828-го и 1829 гг.» и другие бумаги, а его самого «в тот же день отправили с фельдъегерем Дамышем в Новочеркасск... для употребления на Дону на службу». Но на Дону его ожидала не служба, а предписание дежурного генерала Главного штаба А. Истатова от 24 декабря 1829 г. А. Потапов приказывал атаману Д. Кутейникову зачислить В. Сухорукова «на службу в казачий полк, в Финляндия находящийся, тотчас же отправить его в оный с тем же фельдъегерем, поручив командиру полка иметь его под бдительным секретным надзором и тотчас доносить, если что-либо замечено будет в поведении его или образе мыслей»¹⁴. Свидетель ареста В. Сухорукова Ф. Шумков вспоминал позже, что И. Паскевич был поражен этим неожиданным для него событием. Встретившись негласно с В. Сухоруковым перед его отъездом из Тифлиса, он показал предписание А. Чернышева и обещал вновь взять его на службу, если только в бумагах не будет ничего преступного¹⁵.

Несомненно, приведенные здесь документы позволяют в большей мере раскрыть причины ареста В. Сухорукова, однако с окончательными выводами спешить не следует. Нам предстоит еще выяснить причину, по которой атаман Д. Кутейников не хотел оставлять на Дону В. Сухорукова на длительное время.

В начале сентября 1825 г. В. Сухоруков перед отъездом из Петербурга в Новочеркасск специально ходил домой к К. Рылееву, чтобы выяснить у него планы декабристов относительно будущего государственного устройства России. В ходе беседы К. Рылеев и находившийся в то время у него А. Бестужев спросили у В. Сухорукова, есть ли на Дону «кто на примете». На что он ответил: «У нас надобно время да и время, чтобы образовывать будущее поколение»¹⁶. Для этих целей В. Сухоруков в начале декабря 1825 г. в Новочеркасске создал тайное общество под названием «Литературные собрания или вечера». В обществе в качестве его постоянных членов вошли близкие товарищи В. Сухорукова по службе и учебе в гимназии и университете. Кроме того, на некоторые заседа-

ния общества приглашались донские офицеры, под командованием которых находились казачьи полки и команды. О существовании этого общества правительству стало известно только в 1828 г. Генерал-майор И. Богданович, производивший расследование деятельности «Литературных собраний...», писал затем, что учредители общества «имели тайную цель и предполагали развращать нравственность сих людей (членов общества. — Н. К.) для особых видов, которые они, может быть, со временем хотели обнаружить»¹⁷.

В нашу задачу не входит освещение деятельности тайного общества в Новочеркасске, отметим только, что в 1826 г. В. Сухоруков и другие участвовали в составлении записки, направленной против деятельности Комитета об устройстве Войска Донского и его председателя А. Чернышева. Названный Комитет в течение длительного времени из-за противодействия различных социальных групп не мог выработать «Положения о Войске Донском». В связи с этим в 1823—

1827 гг. целый ряд лиц, выступавших против преобразований, проводимых на Дону А. Чернышевым, были подвергнуты различным наказаниям, а наиболее активных выслали на Кавказ. В дальнейшем А. Чернышев и его ставленник атаман Д. Кутейников препятствовали возвращению этих лиц на Дон. Атаман, например, боялся, что как бы на Дону вновь «не составилось какого-либо непозволительного общества». По этой причине Д. Кутейников и не хотел, чтобы В. Сухоруков длительное время находился на Дону. В Новочеркасске В. Сухоруков, где проживала его престарелая мать, оставался столько времени, сколько его потребовалось на перемену лошадей фельдъегерю на почтовой станции.

Из всего сказанного вытекает вывод, что не следует связывать арест донского историка и декабриста В. Д. Сухорукова в январе 1830 г. с каким-либо отдельным эпизодом из его жизни. Арест являлся следствием всей его до- и последекабрьской деятельности.

¹ В подлиннике вначале было написано «Переписать», затем зачеркнуто и сверху написано «Взять». ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, д. 731.

² Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 7. С. 316.

³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 2. С. 112.

⁴ ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, д. 1642, л. 1—8.

⁵ ЦГВИА, ф. 36, оп. 7/850, св. 53, д. 117, л. 3.

⁶ Новочеркасский музей истории донского казачества (НМИДК), ф. В. Сухорукова, п. VI, № 5, л. 1; Донская газета. 1875. № 2; ЦГИА СССР, ф. 1018, оп. 3, 1830, д. 254, л. 1 об.

⁷ ЦГВИА, ф. 36, оп. 7/850, св. 53, д. 117, л. 1—2; оп. 12, д. 15, л. 553—555.

⁸ См.: Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Тифлис. 1888. Т. 4. С. 469.

⁹ См.: Шадурн В. С. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси. 1958. С. 253, 262.

¹⁰ См.: Ватейшвили Д. Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе. М.: Наука. 1973. С. 165.

¹¹ НМИДК, ф. В. Сухорукова, п. VI, № 5, л. 2 об.

¹² Переписку С. Леонова, Д. Кутейникова и Д. Вахрушева см.: ОР ГБЛ, ф. 19/III, п. 33, д. 16, л. 1—4.

¹³ НМИДК, ф. В. Сухорукова, п. VI, № 5, л. 2 об.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 36, оп. 12, д. 15, л. 556; ф. 330, оп. 2, д. 21, л. 6.

¹⁵ НМИДК, ф. В. Сухорукова, п. VI, № 5, л. 2—3.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 137, л. 2 об.

¹⁷ Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М.: Соцэкгиз, 1958. С. 49.